

Н О В Ы Й
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ

1910 г. ФЕВРАЛЬ №16

ПѢВЕЦЪ ВИШНЕВАГО САДА.

Къ 50-ти лѣтїю со дня рожденїя Чехова.

Статья К. И. Арабажина.

I.

Къ Чехову у русскаго общества существуетъ какая-то особенная нѣжность.

Чеховъ—это наша общая любовь, это самое цѣнное созданіе русской природы. Творчество Чехова—это красивая элегія, пропѣтая надъ русской жизнью, это сама скорбь, тихая, поэтическая скорбь, застывшая въ тишинѣ лѣтняго вечера,—это тоска по несбывшемуся счастью, это полное жалости и любви поэтическое проникновеніе въ самые интимные и сокровенные уголки грустной души современнаго чело-вѣка, это прозрачная печаль объ утерянномъ счастьѣ и не сбывшихся, но прекрасныхъ возможностяхъ, это грусть вишневаго сада, это тихія слезы о щемящемъ ранами прошломъ, это народная пѣсня, въ которой вылилась душа народа, скованнаго цѣпами и неумѣющаго вырваться на волю,—народа-великана, народа-ребенка, мощнаго и забитаго, порывисто стремящагося къ добру и слабовольнаго неврастеника, прекраснаго въ своихъ начинанїяхъ, убогаго по результатамъ и жалкаго въ своемъ безсилїи вырваться на свободу. Это—жажда солнца и счастья и вмѣстѣ—«надгробное рыданіе» надъ русской жизнью, лежащей подобно спящей царевнѣ сказки въ каменномъ гробу, окованномъ желѣзными обручами...

Въ творчествѣ Чехова есть какая то интимность, какая то особенная задумчивость тона и мягкость красокъ, роднящая его съ Чайковскимъ и Левитаномъ; что-бы понять Чехова и полюбить его нужна чуткая душа и благородное сердце. Нужно вмѣстѣ съ нимъ *почувствовать* скорбь русской жизни и проникнуться къ ней безконечной нѣжностью и такой-же жалостью.

II.

Чеховъ вышелъ на жизненный путь въ 80-хъ годахъ въ эпоху тяжелаго безвременья. «Догорѣли огни,

облетѣли цвѣты»... Пришли и стали тѣни ночи на стражѣ зла. Началась жестокая реакція. Побѣдители торжествовали, побѣжденные рыдали на могилахъ погибшихъ борцовъ и не видѣли впереди ничего свѣтлаго и обнадеживающаго.

Боевое народническое движеніе закончилось полнымъ разгромомъ и съ точки зрѣнія исторической, и не могло не быть признано крупной общественной ошибкой. Движеніе начатое во имя наивной вѣры въ значеніе героевъ съ чисто утопической программой, съ наивной почти славянофильской вѣрой въ доблести русской народной души, въ особенный историческій путь, уготованный ему общиной—движеніе опиравшееся на невѣрныхъ предпосылкахъ утопическаго социализма, безъ точнаго выясненія соотношенія общественныхъ силъ, должно было привести къ крушенію и разгрому силъ русской интеллигенціи.

И тщетно старались корифеи народничества сохранить старыя позиціи. Реакція противъ вождей того общественнаго движенія, которое повело къ надрыву силъ и пораженію, шла не только справа, но и слѣва.

Какъ ни ужасны 80-е годы со всѣми своими репрессіями, кошмарами цензурнаго и административнаго неистовства, «преобразованіями» въ области земскаго и городского самоуправленія, школы и высшей науки,—все-же эпоха дворянскихъ банковъ, земскихъ начальниковъ и трезвенныхъ словъ—не чужда была положительныхъ результатовъ.

Во тьмѣ ночи, съ объективной необходимостью, стихійно зрѣли новыя силы. Изъ Деруновыхъ и Колупаевыхъ подготавливались будущіе Маякины Горькаго, герои Боборыкинскаго Китай-города Лопухины.

Въ области искусства и литературы—тоже можно указать нѣкоторые плюсы реакціонной эпохи. Началось освобожденіе писателя отъ трафаретной эстетики

народничества съ его приматовъ гражданственности надъ свободой поэтического творчества.

Иныхъ эта свобода зарела очень далеко на путь общественного безразличія подъ лозунгомъ «искусства для искусства» (Минскій, Максимъ Бѣлинскій и пр.). Другимъ эта свобода отъ партійныхъ и кружковыхъ предразсудковъ давала возможность покойно оглянуться вокругъ и творить не по установленному шаблону, а какъ велитъ художественная совѣсть и чувство правды.

III.

Чеховъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которымъ было на пользу освобожденіе отъ узъ партійной предвзятости и тенденціозности.

Чеховъ не хотѣлъ принадлежать ни къ одному литературному кружку, и поэтому радикальные критики отнеслись довольно сурово къ его первымъ литературнымъ дебютамъ.

Скабичевскій пророчилъ Чехову, что онъ окончитъ свою дѣятельность гдѣ нибудь подъ заборомъ.

Н. К. Михайловскій сначала принялъ Чехова за идеолога мѣщанства, тогда какъ Чеховъ былъ сатирикомъ русской жизни, являясь въ этомъ смыслѣ прямымъ продолжателемъ традицій школы Щедрина.

Ужасы русской жизни, ея глубокое мѣщанство Чеховъ понималъ съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности.

Мракъ, невѣжество, духовное рабство, приниженность рабовъ, тупое самодурство сильныхъ, запуганность и трепетъ обывателя, мыслелюбязнь, отсутствие собственного достоинства, знаній, самостоятельности, умѣнья бороться за лучшее будущее, лѣнь и апатія—глубоко возмущали Чехова, и онъ реагировалъ на всѣ эти недостатки смѣло и своеобразно.

Громадная заслуга Чехова въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей не падалъ въ своихъ маленькихъ рассказахъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, ни правительственный лагерь, ни русское общество.

Свободно взглянулъ онъ въ лицо этому послѣднему и смѣло сказалъ обывателю всю правду.

«Скверно вы живете господа; стыдно такъ жить»—вотъ слова, которые слышались Горькому во многихъ рѣчахъ и частыхъ бесѣдахъ съ Чеховымъ. Такова же основная идея и большинства произведеній Чехова.

Русская жизнь кажется Чехову мало подвинувшейся впередъ за триста лѣтъ: то же равнодушіе къ свободѣ, та же мыслелюбязнь. Доносчикъ въ одномъ рассказѣ (въ банѣ) извиняется передъ діакономъ:—простите, батюшка, а я вѣдь думалъ, что у васъ идеи! чиновиничество живеть въ вѣчномъ трепетѣ («Смерть чиновника», «Тонкій и толстый»), ищеть опоры не въ здоровомъ смыслѣ и логикѣ вещей, а въ циркулярахъ, предписаніяхъ, и бездушномъ формализмѣ. Люди замкнулись

въ футляры и живутъ трепетной улиточной жизнью, опасаясь, «какъ бы чего не вышло» («Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ»). Испуганный обыватель, не знающій ни своихъ правъ, ни обязанностей, не вѣряющій въ законъ и право, старается жить тише воды, ниже травы, довольствуясь кислымъ крыжовникомъ своего сада.

Надъ всѣми властвуетъ символическій образъ унтера Пришибеева, получившаго первоначальное образование въ казармѣ и завершившаго его въ пожарной командѣ.

Поражаетъ Чехова быстрое увяданіе русскаго человѣка. Въ двадцать лѣтъ онъ вѣрять въ дѣло, какъ въ глаза родной матери, а въ тридцать лѣтъ примиряется съ пошлостью и живетъ только тѣмъ, что копить капиталъ (Ионычъ).

Быстро старятся, полнѣютъ, опускаются. День да ночь—и сутки прочь. Жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей. Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ.

Къ дряблости русскаго человѣка Чеховъ возвращается неоднократно и въ лицѣ доктора Нешапова, и въ Ивановѣ, и въ Астровѣ («Дядя Ваня») и въ лицѣ молодого ученаго Прозорова («Три сестры»). Нашъ общественный либерализмъ коренится не въ сознаніи, не въ убѣжденіяхъ, закаленныхъ долгимъ и упорнымъ трудомъ, стойкой борьбой, а въ пылости юности, въ горячей крови... Стынетъ кровь, стынетъ и общественный пылъ русскаго человѣка. Нѣтъ въ немъ закала, выносливости въ трудѣ и борьбѣ.

«Странное существо—русскій человѣкъ, говорилъ Чеховъ Горькому: въ немъ, какъ въ рѣшетѣ, ничего не задерживается... чтобы хорошо жить, надо-же работать! Работать съ любовью и вѣрою. А у насъ не умѣютъ этого... Вся Россія—страна какихъ-то жалкихъ и лѣнивыхъ людей; они ужасно много и некрасиво ѣдятъ, пьютъ, любятъ спать днемъ, и во снѣ храпятъ. Женятся они для порядка въ домѣ, а любовники заводятъ для простижа въ обществѣ. Психологія у нихъ собачья: бьютъ ихъ,—они тихонько повизгиваютъ и прачутся въ своихъ конурахъ, ласкаютъ—они ложатся на спину, и лапки кверху и виляютъ хвостиками»...

Чеховъ не идеализируетъ крестьянство. Онъ видитъ его темноту (Гайка), невѣжество, тупость, господство стихійныхъ звѣринныхъ инстинктовъ («Новая дача»). Въ «Мужикахъ» Чеховъ развернулъ всю силу своего дарованія, чтобы нарисовать гибель патріархальнаго гнѣзда, всѣ члены котораго дѣлають невѣроятныя усилія, чтобы удержать основы стараго уклада жизни. Онъ первый подмѣчаетъ глубоко-консервативные и буржуазные инстинкты крестьянина.

Въ превосходной повѣсти «Въ оврагѣ» мы находимъ проникновенно написанную картину первоначальнаго накопленія богатствъ, хищнической стадіи стихійнаго развитія капитализма. Передъ нами крестьянская семья кулака, который

хочетъ выйти въ купцы. Передъ нами новое село съ тремя ситцевыми и одной кожевенной фабрикой и на- ступившимъ въ крестьянской средѣ разслоеніемъ.

Тяны членовъ кулацкой семьи: хитница Аксинья, благоблнная Варвара Николаевна, кроткая Лина, старшій сынъ, пошедшій по «ученой части»—въ сы- щики—обрисованы съ изумительнымъ мастерствомъ и искусствомъ. Чрезвычайно тонко подмѣчено стремленіе семьи къ благочестію. Свое троглодитное хищничество ова хочетъ вести и ведетъ подъ покровомъ и съ бла- гословенія церкви.

Глубокое проникновеніе Чехова въ самое существо русской жизни и жизни вообще сдѣлало его непри- миримымъ врагомъ всякой пошлости, всякаго мѣщан- ства—не только въ формахъ, но и въ содержаніи жизни.

Быль въ творчествѣ Чехова и другой общечеловѣче- ской мотивъ пессимизма и міровой скорби, мысль о невозвратимости прошлаго, о неизбѣжности увяданія и смерти.

Весна возвращается каждый годъ, а счастье—ни- когда!.. Къ чему жизнь, когда она не даетъ повто- реній, когда она ведетъ къ страданію и смерти.

IV.

Въ настроеніяхъ Чехова и въ его творчествѣ можно наметить три періода. Первый (1886—1892), когда Чехова страшила и удручала обыденщина. Россія представлялась ему городомъ лавочниковъ, трактир- щиковъ, ханжей, о которомъ ни одна душа не пожа- лѣла бы, если бы онъ провалился сквозь землю. Спасенье отъ этого кошмара, отъ правдивнаго удущья Чеховъ видѣлъ развѣ только въ сумасше- ствіи (Черный монахъ), или въ толстовствѣ («Пари», «Скучная исторія», «Припадокъ», «Страхъ», «Кня- гиня»).

Но толстовское вліяніе пало съ начала девяти- десятыхъ годовъ. Приплыла бодрая волна обществен- наго подъема.

Ужасный голодъ 1892 года пробудилъ отъ спячки интеллигенцію. Ожилъ и Чеховъ. Въ «Палатѣ № 6» онъ открыто высказываетъ теоріи толстовскаго само- усовершенствованія и устами Громова говорить о не- обходимости общественной борьбы. Въ рассказѣ «Хо- рошіе люди» Чеховъ открыто высказывается противъ знаменитой формулы—наше время не время широкихъ задачъ,—и эту же мысль съ парадоксальной горячностью и преувеличеніемъ отстаиваетъ въ рассказѣ «Домъ съ мезониномъ». Здѣсь, между прочимъ, Чеховъ касается вопроса о трудѣ, поднимаясь на высоту, откуда уже видны трудовыя теоріи, въ свѣтъ которыхъ загорится когда-нибудь заря полнаго освобожденія человѣчества.

Третій періодъ—періодъ драмъ, въ которыхъ отра- зилась чисто-эстетическая вѣра Чехова въ прогрессъ и торжество ума и правды на землѣ. Это будетъ, быть можетъ не скоро, но это придетъ. Чеховъ

предчувствуетъ въ русской жизни грозу и радостно приветствуетъ всѣ признаки ея приближенія. «Знаете ли, говорилъ онъ Куприну, радостно взволнованный предчувствіями,—черезъ десять лѣтъ у насъ будетъ конституція».

V.

Дѣятельности Чехова, какъ драматурга, слѣдовало бы посвятить цѣлую книгу. Въ области театра Че- ховъ оказался гениальнымъ преобразователемъ,—на- стоящимъ революционеромъ. Здѣсь его значеніе, его заслуги—громадны.

Чеховъ создалъ новую драму, сумѣлъ найти новую форму для трагичнаго въ жизни и новаго трагиче- ского героя.

Чтобы понять громадное значеніе Чехова для театра, необходимо отказаться отъ избитыхъ эсте- тическихъ теорій и строить новую теорію драмы ¹⁾, потому что Чеховъ доказалъ возможность суще- ствованія драмы безъ всѣхъ ея обычныхъ призна- ковъ: безъ дѣйствія, движенія, конфликтовъ, силь- ныхъ характеровъ, пафоса монологовъ и проч.

Въ основѣ драмы, въ ея сердцевинѣ лежитъ чув- ство трагизма жизни. Этотъ трагизмъ обусловленъ какой-нибудь апоріей (безвыходностью), ведущей къ неизбежному страданію и смерти.

Такой трагизмъ обусловленъ былъ въ древней Гре- ции идеей рока, превращавшаго счастье людей въ груду развалинъ. Въ греческой драмѣ первое мѣсто зани- мало событіе (миѳъ), что и отмѣчено уже Аристо- телемъ, а характеръ игралъ второстепенную роль.

Въ шекспировской драмѣ передъ нами яркая силь- ная личность, развѣтъ которой подготавлился и христіанствомъ, съ его ученіемъ о свободной волѣ, и феодальнымъ рыцарствомъ, и вѣкомъ возрожденія.

Трагическое коренилось во внутренней борьбѣ про- тивуположныхъ теченій и стремленій въ душѣ чело- вѣка—борьбѣ, приводившей къ страданію и гибели. Зрителя интересовала и волновала эта борьба, про- исходившая въ сильномъ челоѳкѣ, который и былъ центромъ драмы, ея героемъ.

Но XIX вѣкъ убилъ сильнаго челоѳка. Тиски культуры: фабрика, казарма, канцелярія,—придавили челоѳка, обезцвѣтили его, поставили въ длинную шеренгу скромныхъ работниковъ въ «мастерской жизни». Постѣрѣлъ, поблекъ современный челоѳкъ. нарушилась въ его жизни естественная гармонія между мыслью, словомъ и дѣломъ. Опутанъ онъ ты- сячами нитей новаго рабства,—зависимости отъ вла- сти денегъ и сильныхъ міра, и буря, хлопочущая въ его душѣ не вырывается наружу, а идетъ внутрь, разрушая ткани организма, парализуя и убивая волю челоѳка, неврастенизируя его.

А какой ужъ герой неврастеникъ! Онъ не умѣетъ

1) Объ этомъ подробно въ моей книгѣ „Публич- ныя лекціи о русскихъ писателяхъ“. Спб., 1909.

ни громко страдать, ни негодовать, ни возмущаться. Нѣтъ яркости, нѣтъ красокъ, нѣтъ экспрессій въ его драбломъ улиточномъ существованіи.

Вотъ почему современному человѣку чужда трагедія величія, силы, — непонятны шекспировскіе герои.

Кто-же можетъ быть героемъ современной драмы? На комъ обнаруживаетъ свою смертоносную власть трагизмъ существованія?

Современный герой — коллективное лицо: Жизнь лежащая на смертномъ одрѣ — цѣлая группа лицъ («Ткачи» Гауптмана, «Слѣпые» Метерлинка, босаки Горькаго въ «Днѣ») обреченныхъ на одновременное страданіе и гибель. Никто въ отдѣльности не интересенъ, — всѣ вмѣстѣ трогаютъ и потрясаютъ насъ зрѣлищемъ незамѣтнаго, но несомнѣннаго страданія и неизбежной смерти. Умираютъ цѣлыя группы, безъ громкаго крика, безъ видимыхъ страданій, безъ яркихъ вспышекъ протеста; гибнуть, какъ цвѣты подъ дѣйствіемъ пыли, какъ желѣзо, раздѣлаемое ржавчиной.

VI

Въ первой своей драмѣ «Ивановъ» Чеховъ едва еще подходитъ къ новой драмѣ. Его Ивановъ хотя неврастеникъ, но онъ герой. Его трагедія въ конфликтѣ съ средой, гдѣ даже, честный, радикалъ, докторъ Львовъ, которого такъ и распираетъ отъ честности, не способенъ понять Иванова и называетъ его подлецомъ.

Здѣсь еще раздается трагическій выстрѣлъ, который замѣненъ въ «Вишневомъ саду» гдѣ-то вдали лопнувшей струной, а въ «Дядѣ Ванѣ» пѣніемъ сверчка...

Въ «Чайкѣ» выстрѣлъ уже за кулисами, а Треплевъ мечтаетъ о новыхъ формахъ драмы, и въ своей пьесѣ выводитъ какую то мировую душу.

«Дядя Ваня» это уже вполне символическій образъ гибнущей русской провинціи, надежды которой напрасно обращены на ученую воблу, столичнаго профессора Серебрякова.

Еще ярче символизирована провинціальная жизнь въ *городѣ*, гдѣ живутъ «три сестры» и гдѣ медленно гибнетъ все живое, все честное въ тинѣ провинціальной запустѣнности.

Красиво, поэтично поднимаются всходы молодой жизни, полной трепетомъ ожиданій, предчувствіемъ чего-то высокаго, прекраснаго. Но дѣйствительность разбиваетъ мечты. Энергія бороться нѣтъ, и городъ, въ характеристикѣ Андрея Прозорова, спитъ какъ лѣнное, жалкое существо. Въ немъ довольны жизнью только Наташа, учитель латинскаго языка, да вѣрная раба Анфиса, которая добилась на старости лѣтъ отдѣльной комнатки въ казенной квартирѣ началь-

ницы гимназіи, и счастлива тѣмъ, что у нея все казенное!

Все казенное! таково убогое счастье русскаго чело-
вѣка.

VII.

Нигдѣ такъ поэтично, такъ изящно не вылилось мировоззрѣніе Чехова, какъ въ послѣдней его пьесѣ «Вишневый садъ».

Эта пьеса — словно прелюдія Шопена навѣваетъ на насъ какую-то прекрасную скорбь; она даетъ намъ трогательную картину русской жизни, лежащей на смертномъ одрѣ, рисуетъ намъ милыхъ, хорошихъ людей, — обреченныхъ на гибель.

«Вишневый садъ» не только картина дворянскаго разоренія, — это нѣчто болѣе трогательное и глубокое.

Когда Раневская говоритъ: «О мой милый, мой нѣжный, мой прекрасный садъ, моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай, прощай... Чувствуешь, что у каждого изъ насъ былъ свой вишневый садъ, свое щемящее тоскою прошлое, котораго не пошадилъ жизнь, суровая и бессмысленная, — бессмысленная уже потому, что кончается еще большей бессмыслицей — смертью.

И обреченными въ «Вишневомъ саду» являются не только дворяне — недотемы, но и студентъ Трифоновъ, облѣзлый баринъ, и безсталаный конторщикъ изъ крестьянъ Ениходовъ, и новый купецъ Лопухинъ, котораго уже не удовлетворяетъ накопленіе богатствъ; ему хотѣлось бы свободы, прекрасной жизни, широкаго разцвѣта и полноты жизни, а вмѣсто всего этого — медленное жалкое увяданіе...

И передо мной рисуется иной образъ, изъ Метерлинка...

Прологъ къ Пеллеасу и Мелисандѣ. Большія желѣзные двери, огромный висячій замокъ, у входа старикъ — стражъ, воплощеніе рутинны, и семь молодыхъ дѣвушекъ (символы искусствъ) требуютъ у стража: откройте двери! тамъ море плещетъ, тамъ солнца восходъ!

— Откройте двери!

И кажется намъ, что духовнымъ очамъ Чехова рисовалась такая-же огромная желѣзная дверь, и къ ней принесенъ дубовый гробъ, окованный желѣзными обручами, а въ немъ спящая красавица изъ сказки — символъ русской жизни и слышится нѣжный проникновенный голосъ Чехова или его музы:

Откройте двери!

Пока еще не поздно: Откройте двери!!

Творчество Чехова было призывомъ къ солнцу и свободной стихіи оно было согрѣто вѣрой въ призваніе чело-
вѣка.

Н. Арабагинъ.